Эмиль МАМЕДОВ

Прожитая осень

стихи

Эмиль Мамедов

Прожитая осень. Стихи

«Издательские решения»

Мамедов Э.

Прожитая осень. Стихи / Э. Мамедов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836111-1

В книгу вошли стихи, написанные в разные годы и не вошедшие в предыдущие сборники Э. Мамедова. Эти стихи — о любви, природе, человеческих взаимоотношениях.

ISBN 978-5-44-836111-1

© Мамедов Э.
© Издательские решения

Содержание

Талыш 6
В вагонных окнах бьётся ночь 7
О том, как я тебя люблю 8
Как лист осенний… 9
Я, наверно, опять схожу с ума 10
Сука 11
Самое чудное среди всех чудес 12
Ухожу 13
Светло, наверно, в царствии Твоём 14
О любви 15
Сядь поближе… 16
Я – не часть и не всё 17
Ты найдёшь меня там 18
Моя линия 19
Сколько вы убили детей? 20
Черный ангел 21
Ночь 22
Про женщину на ночь 23
Прожитая осень 24
Сколько звёзд-то взошло на небе 25
Больная звезда 26
Мой пророк 27
Осанна 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Прожитая осень
Стихи

Эмиль Мамедов

«Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной…» Псалом Давида, 22

С благодарностью

***Насте Большаковой** за всё*

Иллюстратор Эмиль Мамедов

© Эмиль Мамедов, 2017
© Эмиль Мамедов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-6111-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Талыш

За дивным туманом виднеется
древний Талыш
И путь серебристый к вершинам
ведут облака.
Рассвет над отчизной.
Тепло и волшебная тишь.
Роса на ладонях,
а в сердце – живая строка…

Вот старость.
Вот дверь.
Вот и сбоку прибит домофон.
И код – не секрет.
Не забудешь, хоть в коме лежи.
Талыш…
Меня тянет назад.
Я устал, утомлён
в стране,
где оставил любовь и частичку души.

В вагонных окнах бьётся ночь

В вагонных окнах бьётся ночь
и иней серебром сусальным
звенит и плачет, кличет прочь
и манит голосом хрустальным.

Печалью дивной плачет в снах,
мне дарит всласть родные лица.
Не запоздалая весна,
я поспешил на свет родиться.

Клянётся буйством снежных дней
зима, с которой было проще,
прощать грехи судьбы моей,
и не творить обиды больше.

Ну рвётся сердце, боль в висках.
Мой бог, скажи, осталось сколько?
Во мне живёт не только страх,
не боль, не смерть. А только, только…

А только в окнах бьётся ночь,
сусальный иней давит грустью.
И поезд гонит, едет прочь
В рассвет, в чужое захолустье.

О том, как я тебя люблю

Колыбельная песнь распустившихся листьев
буйной зеленью вширь и не знающих осень.
грозных туч хоровод,
вечер мрачный и мглистый,
безразличный к тому,
что приснится нам после.

Одинокий платан в ночь бушующих молний,
переживший за век сто пожаров и грозы,
ветер клонит к земле,
как в предчувствии боли,
боли вскрывшихся ран, неминуемой прозы.

И беда не беда. Столько было печали.
за беспутную жизнь столько веток сломалось,
что не помнишь уже то, что было вначале.
отражаешь в себе только самую малость.

Без тебя я опять проживу ночь сомнений.
в злых раскатах грозы, под ударом ненастья.
Я открою себе новый том откровений:
ты – источник беды,
ты – источник несчастья.

Как лист осенний…

Как лист осенний падает, кружась,
не ведая ни боли, ни тревоги.
Он носится по парку битый час,
безропотно бросается под ноги.

Порывом ветра уносимый прочь,
истерзанный, измученный со страстью,
меняет хмурый день на злую ночь,
и рвется в безысходности на части.

Стучится в окна, не прося любви,
и тонет в море чьих-то ожиданий,
в глотке вина, как в розовой крови,
не веря в Бога и его созданий.

и голова круж#тся от измен,
проблемы в дом врываются без стука,
и просится душа в извечный плен —
в бокал, залитый горечью разлуки.

Я, наверно, опять схожу с ума

Я, наверно, опять схожу с ума.
Медленно, но верно ползу к исходу.
Нестройной пеленой стелется туман.
и ветер непрерывно меняет погоду.

Стылыми пальцами щупают лоб
остервенелые крупицы снега.
Методом ошибок, таких же проб
разрушая напрочь слабое эго.

Не снятся сны. Бессонница чаще
тянет сквозь сумрак дрожащие руки.
Хотя, казалось, что будет слаще
нам друг без друга…
Итог разлуки.

Сука

Вереница бессмысленных чувств,
состояние отрешённости.
И внезапно надуманная грусть
где-то там
в подсердечной области.

Самолёты влетают в ночь,
в безвозвратную даль
бесстрашия.
Мы похожи друг на друга
точь в точь,
оба миром одинаково
крашены.

На черта мне такая страсть,
если охи и вздохи лживые.
Мне в любовь твою не упасть,
да и точку не поставить жирную.

Всё придумано, просто игра.
Всё навеяно страшною скукою.
Говорил я про нежность до утра,
а под утро назову тебя сукою

Унесёшься с ароматом духов
в суету, где тоскливость страшная.
И до следующих петухов
ты, наверно, сто раз предашь меня.

Самое чудное среди всех чудес

Можешь не мечтать. Реальность дороже,
ближе к земле. Отрекись от небес.
Что тебе любовь? На алтарь положишь
Самое чудное среди всех чудес.

Всё, чем дышу – мир который я создал —
лишь мишура. Не ищи в нем путей.
Видишь огромные синие звезды,
скрытые от глаз остальных людей?

Красное небо с желтыми облаками,
оранжевые камни и лиловый лес?
Ты не веришь? И топчешь ногами
Самое чудное среди всех чудес.

Хочешь не верь. Но я твоим дыханьем
дышу в запой и цепляюсь за жизнь.
Шелест дождя и листвы колыханье
шепчут мне в ухо: «Старик, держись!»

Вот и держусь. Хоть улыбка пропала,
но, и слава богу, не вселился бес.
Жаль мне, что ты всё равно не познала
самое чудное среди всех чудес.

Ухожу

Ухожу, не зная путь конечный,
на плечо накинув легкий плащ.
Наплевав на дождь и ветер встречный,
мартовский нежданно долгий плач.

Ухожу. Дороги, переулки.
Гул машин, озябший шёпот вслед.
И под ноги мне летят окурки
от истлевших чьих-то сигарет.

Ухожу. А мой маршрут – удача.
Мой маяк – случайный блик в окне.
Цели нет. Цель ничего не значит.
Просто я решил. Так надо мне.

Светло, наверно, в царствии Твоём

Светло, наверно, в царствии Твоём,
как обещают праведные книги, —
всю жизнь томиться перед алтарём
И алой кровью окроплять вериги.

Жить без греха, смиренно, без измен,
Не жаждая грядущих перемен,
И понимая, жизнь – всего лишь тлен.
Светло, наверно, в царствии Твоём.

Зима с цепи как будто сорвалась,
утихомирив вспыхнувшую страсть.
и пошумела, погудела всласть.
Тепло, наверно, в царствии Твоём.

Температурю в дыме сигарет,
Унылый вечер, тусклый лунный свет.
Всё проводил. Улыбку бросил вслед.
Мы уживемся в царствии Твоём?

О любви

Любви, по сути, нет в самой Природе,
привыкшей брать нахрапом всё и враз.
Нет истины в вине и в Боге вроде,
и нет доверья тем, кто верит в нас.

Нет правды в сказках, нет её в былинах,
нет смысла ни в канонах, ни в речах.
Как нет воды в покинутых долинах,
как нет огня в заброшенных печах.

Нет четких очертаний наших мыслей,
они вразброд, а из-за них – дела.
И думаю, гранит науки грызть ли,
когда тупому жизнь всё отдала?

Зачем нам Бог? Не сбудутся молитвы.
Зачем герои? Повода ведь нет.
Зачем нужны задуманные битвы
без веры в неизбежности побед?

Наговорил… Ведь сам-то верю в Бога,
а без любви могу и умереть.
Все от того, что так сложна дорога,
которую мне надо одолеть.

Не верить ни во что – такая скука.
Как ждать любви, не назначая встреч?
Цинизм течет в крови всех наших внуков,
не верящих в творения предтеч.

Сядь поближе…

Сядь поближе, а то туман
унесёт тебя к облакам.
И задиристый, без ума
ветер ласку приносит нам.

Тают в дымке ночной дома,
словно в сказке, до самых высот.
Сядь поближе, а то туман
унесёт тебя, унесёт.

Я – не часть и не всё

Я – не часть и не всё
я – не суть, не момент.
буду утром росой.
промелькну, как фрагмент.

Ты найдёшь меня там

Ты найдёшь меня там,
где холодные ветры гоняют без устали
снежные хлопья.
Где за каждым признаньем
скрывается горечь несказанных слов.
Где рассветные блики
срывают таинственность ночи,
и просто в дорогу торопят.
Чтобы вырваться разом
из этих несчастных бредовых оков.

Пепел вышней любви поручить на расправу
безумному ветру. Пусть к черту разрушит!
Сколько было надежд!
Сколько нежности в сердце
сгорело дотла!

Ты найдешь меня там,
где в усталой толпе в одиночестве бродят забытые души.
среди тех, кто не ждал,
но с великой печалью дожил до утра.

Моя линия

моя линия между…
не восход, не закат,
и не то, что искал я.
и не попросту линия —
горизонт горизонтом,
полоса между нами.
не дорога, не путь,
все иллюзии – к Богу,
все улыбки – туда же,
наши мысли – да в небо
я устал, ты же знаешь,
я старею, ты помнишь,
ухожу, не вернёшь ведь.
ни вперёд, ни обратно,
ни сегодня, ни завтра,
ни мгновенье, ни сутки.
я не вечность, не часть.

Сколько вы убили детей?

Сколько вы убили детей,
маленьких мальчиков,
крохотных девочек?
Сколько в ваших умах затей
человеческую жизнь считать мелочью?

Пулю в их головы,
чтобы народ
остался без будущего,
вымер под корень.
Всё решает смерть,
никаких хлопот.
Немного поплачут,
подумаешь, горе.

Да, мне плевать,
во что вы верите.
К чему ваши помыслы,
севшие на мель?
Мне всё равно,
кому дорожку гладко стелете
и чье пришествие —
ваша святая цель.

Кому нужна эта мера,
подпитанная кровью детей
на ваших алтарях?

Кому нужны ваша вера,
ваша гордость,
честь
и святость царя?
Не искупить.
Ни мольбой,
ни адом,
ни раем
эти грехи.

…Да и мы…
сидим,
мечтаем,
с судьбой играем.
…

Пишем стихи.

Черный ангел

Черным ангелом среди белых,
да еще с разбитым крылом.
Перезрелым средь яблок спелых,
среди золота – ржавый лом.

Как голодному снится обилие,
так и страннику – дальний свет.
Если уж на себя-то забили мы,
так хотя бы другим респект.

А какая уж, к богу, разница,
всё, наверно, своим чередом.
Кто-то может, а кто-то дразнится,
кто на хлев променял свой дом.

Разве в чувствах рвать себе глотку?
Чувства хрупки, сплошная блажь.
А налей-ка, дружище, водки,
и до самых краев, уважь.

Ночь

Никто не узнает того,
что, наверное, знаешь и ты:
прокуренных комнат,
распитых бутылок,
окурков в стакане;
и лиц, проступающих бурыми пятнами
из темноты,
и небо, с которого падают камни,
тяжелые камни.

Закат.
Тишина.
И, наверное, вечность – беззвучная ночь,
и звездная пустошь,
манящая зовом к далёким планетам,
и сон,
улетающий птицей-малюткою
в темень и прочь,
и песня, которой
душевней и слаще для разума нету.

Никто не узнает того,
что, наверное, знаешь и ты:
фальшивые звёзды,
придуманный светоч
и мнимые песни.
Кто верит в легенды?
Кто падает камнем с глухой высоты?
Кто праведен нынче?
Кто светел и честен?

Про женщину на ночь

Тянется дым сигаретный к потолку,
пальцы держат сигарету изнеженно.
Мне кажется, что я уже не смогу
представить себе другую женщину.

Тонкие подведенные ресницы,
капли блёстки под глазами, словно роса.
И я не могу уйти, с ней проститься —
пугают обманутые сто раз глаза.

Она молчит и смотрит мимо меня,
лишь изредка выдохнет: «Собачья жизнь!»
Я открываю окно, и с лаской дня
врывается в комнату небесная синь.

Она смотрит устало, курит молча,
и, кажется, вот-вот покажется слеза.
Застываю в дверях, каменею точно —
пугают обманутые сто раз глаза.

Только внизу у подъезда я замер,
то ли в сердце боль, то ли плачет там она.
И хочется крикнуть: «Люди, что с вами?
неужели и в душах наших война?»

Некому теперь за нас помолиться,
грянет над нами и оглушит нас гроза.
Я даже боюсь смотреть прохожим в лица —
пугают обманутые сто раз глаза.

Прожитая осень

Косятся завистливо берёзы
на зеленые наряды сосен.
Источают соки, словно слёзы,
поминая прожитую осень.

Есть и у Природы вдохновение,
скромное желание успехов.
только лишь скользит убогой тенью
летнего тепла шальное эхо.

Тешится последними лучами
Одинокий ясень у дороги.
И нежданный шелест как в печали
тянет песни ветреные строки.

Растворились в ветре, как растаяв,
Паруса небесного фрегата.
И последних птиц усталых стаи
за тобой уходят до заката.

Как-то разорвалось всё и сразу,
Только мысли жгут бедово душу.
И прощанья скомканные фразы
я уже, наверно, не услышу.

Ни улыбки, ни тепла, ни ласки,
ни надежды, что мы станем ближе.
Подошла к концу чудна́я сказка.
Я тебя, наверно, не увижу.

Сколько звёзд-то взошло на небе

Сколько звёзд-то взошло на небе,
Благодать-то какая, Праведный.
Словно сказка шальная, небыль.
И покой, тишина. Аж завидно.

Что-то шепчет осенний ветер,
и гоняет листья усталые.
Эти звёзды, наверно, светят,
чтоб немножко добрее стали мы.

А зачем мне твои тревоги
и постылые ливни колючие?
Бурой хлябью сметет дороги
и ноябрь нависнет тучами.

Забери меня, боже, на небо.
Я не буду тебе там бременем.
Так устал. Что я был, что не был.
Эти звезды угаснут безвременно.

Больная звезда

Капля света покачнулась,
потянулась вниз, но не падает.
Ночью чья-то звезда проснулась.
Смотрит вниз, не летит. А надо ли?

Обморочное состояние,
безысходность дорог нехоженых.
Ведь далёкое расстояние.
Да и жизнь сейчас тревожная..

Просто хочется жить беспошлинно,
не делиться ни с кем одиночеством.
и не стать ни ханжой, ни пошлым мне.
И не знать имена и отчества.

Это звёздочка утром рассеется,
растворится в небесной кашице.
И наверно уже не поверится,
что такою была и наша цель.

Мой пророк

Путешествуя из мира в мир и меняя образ жизни,
я замечаю, что позади не оставляю следов.
Цвета индиго сверху надир*, и путь мой натружен и жилист,
в нем и так хватает оков.

Можно сказать «синее-синее»,
но не скажешь «индиго-индиго».
Хотя красиво звучит… Я заблудился в цветах.
С недавних пор в голове сдвиги,
и мозг от голода, как живот, урчит.
И чувствую чужой страх.

Чей-то перекрученный мозг твердит,
что я увижу однажды того,
кто теперь не похож на других, кто обожжен молнией сна.
Он боится снов и не спит и ему не нужен покой,
да и жив он отчасти.

У окна
стоит мой пророк и учит меня,
что если я уйду с ним,
ничто не сможет удержать мир,
и мы его осилим вдвоём.
А буду я вначале гоним,
и цвета индиго над головой надир.
И приидет царствие мое.

**Надир – точка небесной сферы, в которой ее пересекает нижняя часть отвесной линии.*

Осанна

Осмысленно-отточенные фразы
о том, что всё пройдет, хотя не сразу,

что грех – не грех,
и в жизни всё бывает,
а горечь от обид за век растает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.